

*Е.В. Павлова**

ДЕКАБРИСТЫ О ДВОРЦОВЫХ ПЕРЕВОРОТАХ И САКРАЛЬНОСТИ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Статья посвящена одному из наиболее спорных вопросов в истории декабристского движения. В центре внимания находятся вопросы восприятия декабристами самодержавной власти, их отношение к дворцовым переворотам, в частности, к перевороту 1801 года.

Переворот 1801 года являлся предметом особого интереса декабристов.

Для декабристов фигура императора и членов царской семьи являлась священной и неприкосновенной [1. Т. II. С. 95]. Но оценки правления Павла, его как императора и личности варьировались в широком диапазоне. По мнению М.А. Фонвизина, «Павел I тиранствовал 4 года, но известно, чем это кончилось, и как он дорого поплатился за свою тиранию» [2. С. 90]. О безграничности и самоличности самодержавия писал и Н.И. Тургенев [3. С. 278]. Н.Я. Эйдельман в связи с этим замечал: «Позиция членов тайных обществ как будто вычисляется легко: в крамольных куплетах Рылеева и Бестужева появляется "курносый злодей"» [4. С. 29].

Отдельные декабристы считали, что заговор против Павла I был составлен для блага и спасения государства [5. С. 449], характеризуя императора как деспота, тирана, царя-безумца, называли его время «бедственным для русского дворянства», отмечали, однако, что при этом «бесправное большинство народа на всем пространстве империи оставалось равнодушным к тому, что происходило в Петербурге...»; подчеркивали, что простой народ любил Павла...» [2. С. 36.], в частности, потому, что он «первый обратил внимание на несчастный быт крестьян и определением трехдневного труда в неделю оградил раба от своевольного произвола» [6. С. 62]. Декабристы говорили о том, что царствование Павла «ожидает наблюдательного и беспристрастного историка, и тогда узнает свет, что оно было необходимо для блага и будущего величия России после роскошного царствования Екатерины II» [7. С. 112].

Н.И. Тургенев, разбирая «несправедливое заявление», что Павел «якобы решил принять титул главы русской церкви всерьез», отмечал, что российский им-

* © Павлова Е.В., 2007

Павлова Елена Валентиновна – кафедра российской истории Самарского государственного университета.

ператор «обладает неограниченной властью, которая обнимает всю гражданскую и религиозную жизнь народа; он всем распоряжается, всем правит; он позволяет, запрещает, приказывает... Павел претендовал на сей поступок (служение литургий) на основании Помазанника Божия. В день коронации императоры пользуются правом, коего лишены все остальные миряне – держать в руках чашу, из коей священник причащает верующих; кроме того, они входят в алтарь через царские врата, что не разрешается никому, кроме священнослужителей...» [3. С. 280]. Декабристы имели четкое представление о «святости» царя, для которого «приятно жертвовать собой» [8. С. 141].

Исследователи не пришли к однозначному ответу на вопрос об отношении декабристов к перевороту 1801 года. Одни говорили об осуждении переворота декабристами, другие – о неоднозначности оценок заговора 1801 года и всей эпохи дворцовых переворотов. Традиция дворцовых переворотов, по мнению исследователей, их интересовала в связи с попыткой извлечь полезные уроки [9. С. 24].

Кюхельбекер оценивал переворот как катастрофу [10. С. 508]. М.С. Лунин определял перевороты как средство, «противное справедливости и разуму». Будучи в ссылке, он записал: «почти все восшествия на российский престол, начиная с Петра I, отмечены дворцовыми переворотами, совершенными во мраке и в интересах отдельных лиц» [11. С. 137]. Н.И. Тургенев перевороты характеризовал как «чудовищные и отвратительные, нередко орошавшие кровью царский трон и породивших жестокою шутку: «Россия – это абсолютная монархия, ограниченная удавкой» [3. С. 278]. По их мнению, перевороты, не представляя интересов народа, представляли как недопустимые меры в изменении политики, тем более, что «вопрос о власти решался каким-нибудь иностранцем-авантюристом, солдатом или лекарем, своими местными убийцами» [3. С. 279].

Можно согласиться с утверждением И.Ф. Худушиной, что поколения дворян, жившие в эпоху Екатерины II, Павла I, в царствование его сыновей Александра и Николая «были последними, кто родился в сознании извечной данности самодержавия» [12. С. 160]. Самодержавная идея была определяющей в мировоззрении русского человека XIX века. Убийство императора – священной особы, наделенной властью от Бога, считал Лунин, «прискорбно для русского» [11. С. 80].

Наиболее распространенным был взгляд на участников переворота как на деятелей, руководствовавшихся узкоэгоистическими побуждениями. Никита Муравьев записывал в Сибири: «Заговор под руководством Александра лишает Павла престола и жизни без пользы для России» [13. С. 73]. Заговорщики были не в чести у декабристов. Нередко они обвиняли Александра в том, что многие из них не подверглись наказанию.

Декабристов занимала проблема участия в перевороте наследника престола. Престолонаследник Александр Павлович считался декабристами «первым соучастником тайных обществ», «венчанным якобинцем» [14. С. 36]. Они винили Александра за неуверенный консерватизм, полулиберальные меры, пустые обе-

щения [15. С. 509]. Мы располагаем лишь отдельными свидетельствами обсуждения декабристами участия Александра I в заговоре 11 марта 1801 года. Темы этой в публичной печати касаться было нельзя. По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, на каждом собрании «Зеленой лампы» читались стихи против государя; это сообщение находит опору в известном послании Пушкина к В.В. Энгельгардту (1819) с упоминанием о разговорах «открытым сердцем» «насчет небесного царя, а иногда насчет земного» [16. С. 684]. Есть мнение, что часть материалов по истории «Зеленой лампы», в том числе и стихи политического содержания, были изъяты и уничтожены [17. С. 12-13]. Стихотворения политического содержания были обнаружены при аресте В.Ф. Раевского, Д.И. Завалишина, А.П. Барятинского, Я.М. Андреевича, И.Ф. Шимкова, Паскевича. Д.И. Завалишин осенью 1825 года приносил и читал им стихи, «в которых покойный государь изображен злодеем, императорская фамилия преступною» [1. Т.3. С. 340]. Арбузов указывал, что Завалишин декламировал, что «кротость и доброта государя есть только обманчивая наружность». Завалишин говорил, что «...все считают его (Александра) добродетельным, но когда увидят тем, чем он его представлял в стихах, то оболщание исчезнет» [1. С. 342]. Он утверждал, что «сия власть (самодержавие) кажется священной законным существованием, но когда же ее увидят незаконною, но похищенною, тогда уничтожить ее, как он говорил, легко» [16. С. 694]. Следственная комиссия охарактеризовала его стихи как «наполненные самыми преступнейшими, невероятными клеветами на покойного императора и на всю августейшую фамилию» [1. Т.3. С. 402].

Некоторые из декабристов предпринимали попытки оправдать Александра I: «Пьяная толпа заговорщиков врывается к нему (Павлу) и отвратительно, без малейшей гражданской цели его таскает, душит, бьет... и убивает!!! Свершив одно преступление, они довершили его другим, еще ужаснейшим! Они заставили, увлекли самого сына, и этот несчастный, купив такую кровию венец, во все время своего царствования будет им томиться, гнущаться и невольно подготавливать исход, несчастный для себя, для нас и для самого Николая... убийцы были награждены...за ними был легкий, жалкий успех... нет, они нам не пример!» [6. С. 112]. Декабристы видели прямую зависимость событий 1801 года и мистические настроения общества в первой половине XIX века, которые привели к катастрофе 1825 года.

Ряд исследователей полагают, что декабристы намеревались убить царя и всю царскую фамилию «от старца до сущего младенца». Следует учесть, что существовало понятие легитимности власти как принципа сочетания нерушимости монархической власти с признанием исторических реалий [18. С. 15]. Из выступлений и воспоминаний декабристов следовало, что действовали они, «соответствуясь с принципом законности». Г.С. Батеньков показывал, что, когда узнали о смерти Александра I, «представилась законность искать что-либо в пользу Отечества ... редкий в истории случай. Россия сделалась свободна от присяги, данной самодержавию и продолжавшейся непрерывно 64 года в лице царств-

вующих особ и их наследников...» [1. Т.14. С. 339]. Присяга и вопросы чести тесно увязывались с пониманием «законности» действий выступивших в декабре. Большинство членов обществ были люди, исповедавшие, «как отец Якушкина, ценный принцип: «Бога бойся, царя чти, честь превыше всего» [4. С. 20]. Честь и долг – ключевые понятия, на которое было замкнуто все мироощущение дворянства [19. С. 34]. В.И. Штейнгейль писал, что «переменить ее (присягу) почитается таким же святотатственным помышлением, как перестроить Успенский собор» [7. С. 135]. Понятие чести и вся система нравственных идеалов декабристов исключали идею цареубийства [20. С. 26].

Декабристы не отрицали, что были лица, говорившие о цареубийстве, но «общество отклоняло их от сего предприятия...», «это противно действиям и намерениям общества...» [7. С.151]. Цареубийственные замыслы воспринимались как «бесчестное желание», сулившее «стать в память потомства на ряду с цареубийцами» [1. Т.2. С. 287]. М.С. Лунин отмечал, что «таковые предприятия даже под руководством преемников престола не приносят никакой пользы...» [21. С. 81]. Большинство членов общества признавали для России лишь монархическую власть, некоторые мечтали о «монархической конституции», большая часть в вопросе о власти видела ее прежней [1. Т.14. С. 89]. Долг «перед государем императором» был превыше дружбы и семейных уз [1. Т.12. С. 172].

Были отдельные индивиды, мысль которых шла вразрез с традиционным мировоззрением. Свидетельством тому является «Катехизис Муравьева-Апостола» [22. С. 129]. В тексте содержатся утверждения, которые коренным образом расходятся с постулатами Российской православной церкви, с представлениями в вере о царской власти в России. Среди них: «Бог не любит Царей, они прокляты суть от него, яко притеснители народа, а Бог есть Человеколюбец... избрание царей противно воле Божией, яко един наш Царь должен быть Иисус Христос; присяга Царям Богопротивна. Цари предписывают принужденные присяги народу для губления его... и т.п.» [23. С. 128-129]. Под истинным смыслом начертанных в Евангелии законов подразумевалось счастье свободы. Царская власть рассматривалась как похитительница свободы, и, стало быть, нарушительница воли Божьей.

Для традиционалистского российского общества первой половины XIX века характерно понимание царя как Отца русского народа и помазанника Божьего, которое основывалось на вековой церковной традиции, когда светский глава православного государства наделяется прерогативами власти священной [12. С. 11]. А поскольку монарх воспринимался как фигура сакральная, он не мог противопоставляться воле Божьей, являясь ее исполнителем. Составители «Катехизиса» сделали попытку совершить мировоззренческий переворот. Катехизис содержал призыв «раскаяться в долгом раболепствии и ополчась против тиранства и нечестия поклясться». В.Ф. Раевский по этому поводу заметил, что «Суждения вредны и незаконны, если проистекают от вольномыслия, имеют целью подрыв религии, верховной власти и законов» [8. С. 140].

На следствии по делу декабристов задаваемые им вопросы позволяли «высказать все, что мог, в осуждение существовавшего порядка вещей и лиц, игравших судьбою России» [7. С. 166]. А.В. Поджио представил в своих записках эпизод из допроса Бестужева П.В. Кутузовым, участником переворота 1801 года. П.В. Кутузов характеризуется как «бывший забулдыга, а что еще ужаснее... заговорщик, и на этот раз успешный в убийстве (Павла) отца». Кутузов спросил Бестужева, как тот «мог решиться на такое гнусное покушение?» – «Я удивляюсь, – отвечал капитан, – что это вы мне говорите». Кутузов (из красного сделался багряным, закусил губы)... остоленел. Сын убитого отца был здесь... Кутузов за успешное убийство достиг всех почестей мира, а Бестужев умер в изгнании!. Там была *une revolution de serial* (дворцовый переворот), переворот гнусного царедворца ...»[6. С. 70-71]. В другом случае допрашиваемый так же обращался к событиям 1801 года: «Вы, милостивые государи, которые должны произвести надо мною суд по совести, приведите на память этой самой совести событие 1801 года марта на 12 число, вспомните, что и сам покойный государь знал ужасную тайну фон дер Палена и не объявил ее государю – родителю своему...» [7. С. 169].

События 1801 года обогрили «кровию восшествия на престол. В окраины царствования Александра стали вечными терминами – ненаказанность допущенного гнусного царевубийства ...со страниц неумолимой истории пятна этого рода не выводимы» [7. С. 159].

По мнению Боковой, затеявая мятеж, декабристы следовали романтической установке «пожертвовать собой на благо Отечества». Действительность и пролившаяся кровь их отрезвили и стали причиной того полного раскаяния, через которое прошли практически все декабристы» [Бокова]. Когда вернувшихся в Россию ссыльных пытались поздравлять с годовщиной мятежа, говорили в ответ, что «14-е декабря нельзя ни чествовать, ни праздновать, в этот день надо плакать и молиться» [24. С. 144]. Декабристы придерживались традиционного воззрения на монарха. Такие события как царевубийство и заговор, оценивались как «преступная катастрофа». Участники восстания писали покаянные письма Николаю I. Николай Цебриков «с раскаянием покорнейшего сына» испрашивал «Всемиловитейшего прощения у Отца Монарха», верноподданнически клялся быть осторожным, сохранять клятву до конца жизни и «сопровождать теплыми молитвами у Алтаря Привечного за сохранение (Его) и Августейшего Дома для счастья подданных и спокойствия целой Европы» [1. Т.2. С. 316]. В.И. Штейгейль в послании к Александру I в 1823 году обращается к нему как августейшему, всемиловитейшему государю: «Я дерзаю повергнуть к освященным стопам Вашего императорского величества мысль мою... В высочайшем изволении государя моего, чтя волю непостижимого в путях своих Провидения, благоговее...»[7. С. 202]. Раевский взывал к милости и пояснял, что для него подвиги чести и служение государю были основным в жизни, умолял «о милосердии и

человеколюбии»..., просил не отвергать «дерзновенной мольбы...» [8. С. 152].
У Н.В. Басаргина находим: «Все надеялись на милость государя...».

Библиографический список:

1. Восстание декабристов. Материалы. Т. 1-20. – М.;Л.: Центрархив, 1926-1986.
2. Фонвизин, М.А. Сочинения и письма / М.А. Фонвизин. – Иркутск, 1982. – Т. II.
3. Тургенев, Н.И. Россия и русские / Н.И. Тургенев. – М., 2000.
4. Эйдельман, Н.Я. Грань веков / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1982.
5. Греч, Н.И. Записки о моей жизни / Н.И. Греч. – М., 1990.
6. Поджио, А.В. Записки, письма / А.В. Поджио. – Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989.
7. Штейнгейль, В.И. Сочинения и письма: в 2 т. Т.1. Записки и письма / В.И. Штейнгейль. – Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1985.
8. Раевский, В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т.2. Материалы судебного процесса и документы о жизни и деятельности в Сибири / В.Ф. Раевский. – Иркутск, 1983.
9. Эдельман, Н.Я. Из предыстории декабризма. Об одном эпизоде в «Записках» Н.И. Лорера / Н.Я. Эдельман // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. – М., 1981.
10. Извлечение из воспоминаний Н.А. Маркевича // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. – М.: АН СССР, 1954..
11. Лунин, М.С. Письма из Сибири / М.С. Лунин. – М., 1988.
12. Худушина, И.Ф. Царь, Бог, Россия. Самосознание русского дворянства (к. XVIII-первая треть XIX вв.) / Худушина И.Ф. – М., 1995.
13. Полярная звезда. – Лондон, 1859. – Кн. 5.
14. Император Александр I и его душевная драма. Историко-психологический этюд Н.Н. Фирсова. – СПб.: Изд. т-ва М.О. Вольф, 1910.
15. Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. – Л., 1951.
16. Затерянные и утраченные произведения декабристов // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. Т. 1. – М.: АН СССР, 1954.
17. Русская старина. – 1890. – № 11.
18. Минаева, Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина / Минаева Н.В. // История СССР. – 1982. – №5; см. также Вернадский, Г. Два лика декабристов / Г. Вернадский // Свободная мысль. – 1993. – №15.
19. Давыдов, М.А. Оппозиция его величества. / М.А. Давыдов. – М.: Зебра, 2005.
20. Лебедев, А.А. Честь / А.А. Лебедев. – М., 1989.
21. Примечания к «Разбору донесения тайной следственной комиссии государю императору в 1826 году» // Лунин М.С. // Письма из Сибири. – М., 1988.
22. Из Всеподданнейшего доклада аудиторского департамента от 10-го июля 1826 г. // Восстание декабристов. Материалы. Т. VI. – М.;Л.: Центрархив, 1929.
23. Катехизис Муравьева-Апостола // Восстание декабристов. Материалы. Т. VI. – М.;Л.: Центрархив, 1929.
24. Русский архив. – 1886. – № 5.

Статья принята в печать в окончательном варианте 24.08.2007 г.

E.V. Pavlova

**THE DECEMBRISTS ABOUT PALACE REVOLUTIONS
AND SACRAL OF AUTOCRACY**

In the paper the vexed question of Decembrist movement is studied. The main attention is given to the problem of impression of autocracy and palace revolutions by Decembrists, in particular – events of 1801.